

INSPIRIA

18+

ГОВОРЯТ ЖЕНЩИНЫ

ЛУЧШИЙ АДАПТИРОВАННЫЙ СЦЕНАРИЙ
ОСКАР
2023

В переводе
Екатерины Шукшиной

МИРИАМ ТЭЙВЗ

INSPIRIA

Мириам Тэйвз
Говорят женщины
Серия «Переведено. На
реальных событиях»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69453652
Говорят женщины / Мириам Тэйвз: Эксмо; Москва;
ISBN 978-5-04-186073-8

Аннотация

Основанная на реальных событиях история скандала в религиозной общине Боливии, ставшая основой голливудского фильма.

Однажды вечером восемь меннонитских женщин собираются в сарае на секретную встречу.

На протяжении двух лет к ним и еще сотне других девушек в их колонии по ночам являлись демоны, чтобы наказать за грехи. Но когда выясняется, что синяки, ссадины и следы насилия – дело рук не сатанинских сил, а живых мужчин из их же общины, женщины оказываются перед выбором: остаться жить в мире, за пределами которого им ничего не знакомо, или сбежать, чтобы спасти себя и своих дочерей?

«Это совершенно новая проза, не похожая на романы, привычные читателю, не похожая на романы о насилии и не похожая на известные нам романы о насилии над женщинами.

В основе сюжета лежат реальные события: массовые изнасилования, которым подвергались женщины меннонитской колонии Манитоба в Боливии с 2004 по 2009 год. Но чтобы рассказать о них, Тейвз прибегает к совершенно неожиданным приемам. Повествование ведет не женщина, а мужчина; повествование ведет мужчина, не принимавший участие в нападениях; повествование ведет мужчина, которого попросили об этом сами жертвы насилия.

Повествование, которое ведет мужчина, показывает, как подвергшиеся насилию женщины отказываются играть роль жертв – наоборот, они сильны, они способны подчинить ситуацию своей воле и способны спасти и прощать тех, кто нуждается в их помощи». – Ольга Брейнингер, переводчик, писатель

Содержание

Предуведомление	6
Протоколы женских разговоров	10
6 июня	11
6 июня	28
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мириам Тэйвз

Говорят женщины

Miriam Toews

Women talking

© 2021, Miriam Toews

© Шукшина Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство „Эксмо“», 2023

*Посвящается Марь
ricordo le risate
и Эрику
e ancora ridiamo¹*

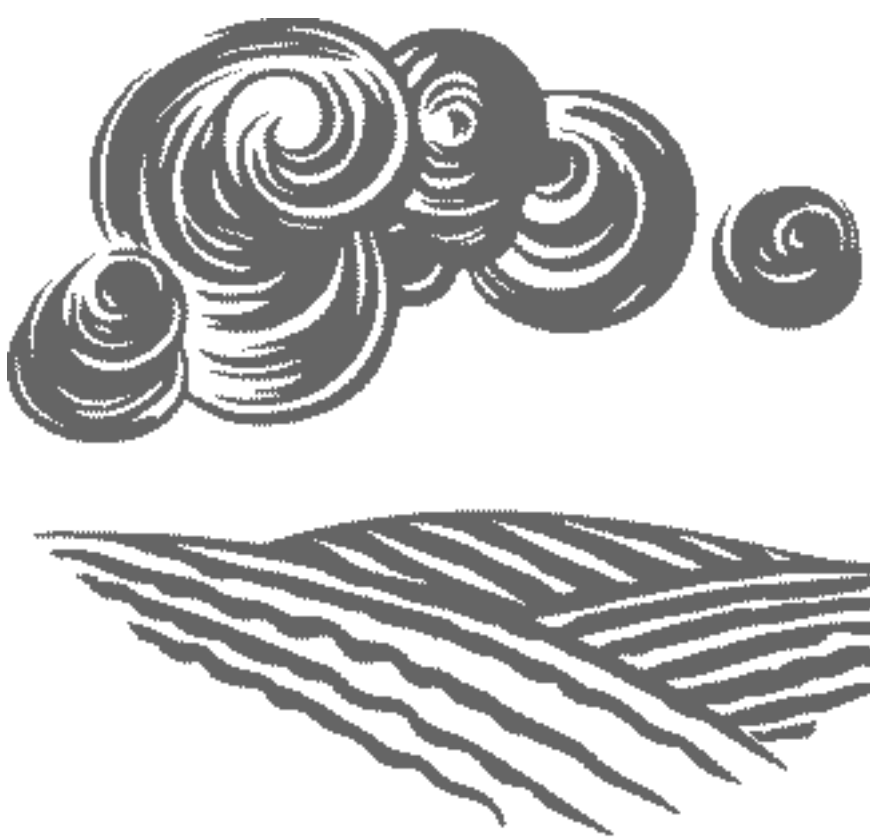
¹ ...я помню смех... и мы все еще смеемся (*ит.*).

Предуведомление

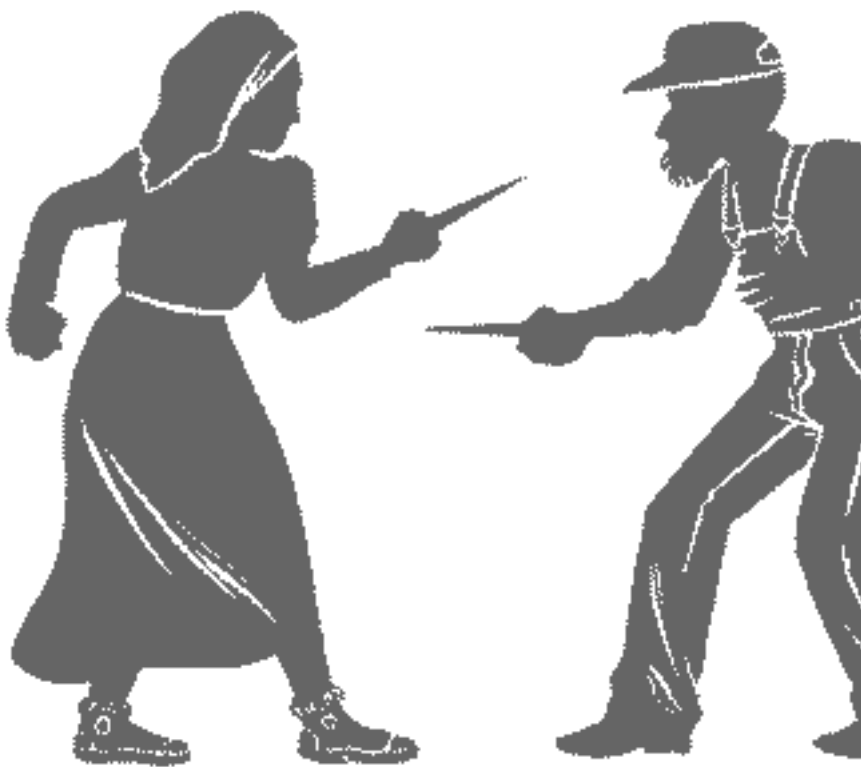
В 2005–2009 годах в отдаленной боливийской колонии Манитоба (по названию одноименной провинции Канады) многие девушки и женщины по утрам с трудом приходили в себя, были в синяках и крови, у них все болело, по ночам их насиловали. Изнасилования объясняли кознями призраков и демонов. Как полагали некоторые члены общины, страдания в наказание за грехи посылал женщинам Бог или Сатана; многие обвиняли их во лжи, якобы они хотели привлечь внимание или скрыть прелюбодеяние; третьи считали, что все это плод необузданной женской фантазии.

Как скоро выяснилось, жертв одурманивали анестетиком для животных члены общины, восемь мужчин, они же и насиловали. В 2011 году боливийский суд приговорил насильников к длительным срокам. В 2013 году, когда осужденные еще отбывали наказание, стало известно, что изнасилования в колонии продолжаются.

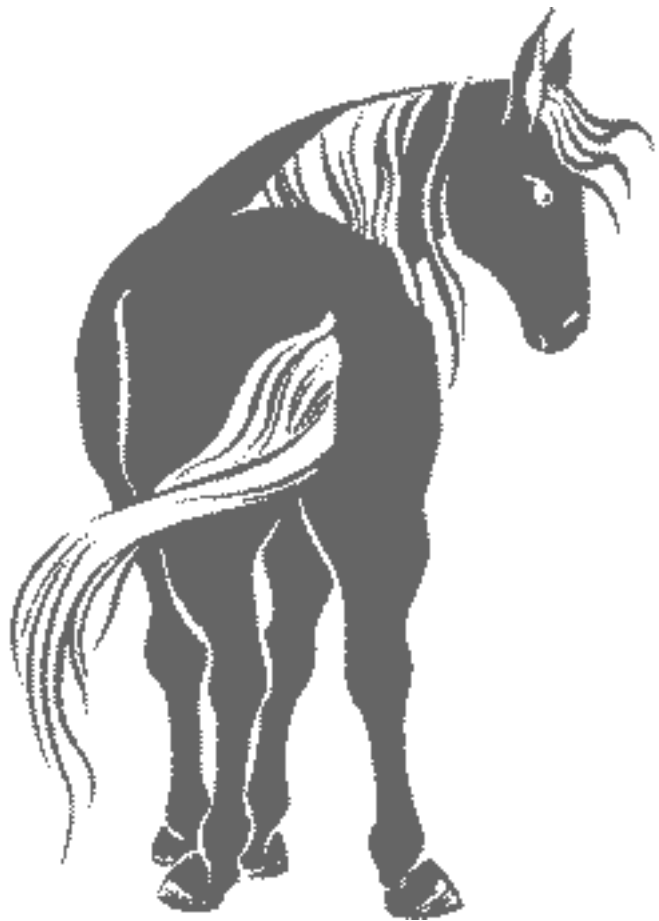
«Женские разговоры» – реакция на реальные события в виде вымысла и вместе с тем плод женской фантазии.

2.

3.

Протоколы женских разговоров

Собрания в колонии Молочна

6 и 7 июня 2009 года, протоколы вел

Август Эпп.

Присутствовали:

Семейство Лёвен:

Грета, старшая

Мариша, старшая дочь Греты

Мейал, младшая дочь Греты

Аутье, дочь Мариши

Семейство Фризен:

Агата, старшая

Оуна, старшая дочь Агаты

Саломея, младшая дочь Агаты

Нейтье, племянница Оуны и Саломеи, воспитанница Са-

ломеи

6 июня

Август Эпп, перед собранием

Мое имя Август Эпп, правда, оно не имеет никакого значения, кроме того, что мне поручили вести протоколы женских собраний, так как женщины неграмотны и не могут писать сами. Но поскольку речь идет о протоколах, а я их веду (а также поскольку я школьный учитель и ежедневно учу этому своих учеников), мне кажется, оно должно быть указано наверху страницы вместе с датой. Вести протоколы меня попросила Оуна Фризен, тоже из колонии Молочна, хотя она не использовала слово «протокол», а спросила, не могу ли я вести записи и подготовить соответствующий документ.

Наш разговор состоялся вчера вечером, мы остановились на тропинке между ее домом и сараем, где я живу, с тех пор как семь месяцев назад вернулся в колонию. (Временно, по словам Петерса, епископа Молочны. «Временно» может означать любой отрезок времени, поскольку Петерс не привержен общепринятому пониманию часов и дней. Мы здесь, или на небесах, навечно, и больше нам знать ничего не нужно. В домах колонии живут семьи, а я один, поэтому, возможно, всегда, навечно останусь в сарае, что меня не очень волнует. Он больше тюремной камеры и достаточно просторный, чтобы мне разместиться там даже вместе с ло-

шадью.)

Во время разговора мы с Оуной уходили от тени. Один раз посреди фразы ветер подхватил ее юбку, и я почувствовал, как подол проехался мне по ноге. Мы отошли на солнце, потом, по мере того как удлинялись тени, еще и еще раз, наконец солнечный свет исчез, и Оуна, рассмеявшись и погрозив заходящему солнцу кулаком, назвала его предателем и трусом. Я боролся с желанием рассказать ей про полушария, про то, что нам необходимо делиться солнцем с другими частями света, что, взявшись наблюдать Землю из окружающего пространства, можно увидеть целых пятнадцать восходов и заходов в день, и, наверно, необходимость делиться солнцем способна научить делиться и всем остальным, научить, что все принадлежит всем! Но вместо этого я кивнул. Да, солнце трусовато. Как и я. (Я промолчал еще, поскольку именно моя предрасположенность к вере, да еще такой экзальтированной, в то, что мы все могли бы делиться всем, не так давно привела меня в тюрьму.) Надо сказать, я не владею искусством вести беседу и тем не менее, увы, постоянно страдаю от мук невысказанной мысли.

Оуна опять рассмеялась. Ее смех вселил в меня мужество, и мне захотелось спросить, являюсь ли я для нее физическим напоминанием о зле и, если так, считает ли меня таковым, то есть злом, община, не из-за того, что я сидел в тюрьме, а из-за того, что случилось давно, до того, как меня упрятали за решетку. Но вместо этого я просто согласился вести прото-

кол. Разумеется. Не мог не согласиться, поскольку для Оуны Фризен сделаю все что угодно.

Я спросил у нее, для чего женщинам протоколы собраний, если они не смогут их прочесть. В ответ Оуна, как и я, страдающая нарфой, или болезненной возбудимостью нервной системы (моя фамилия Эпп происходит от «тополя» (aspen), тополя дрожащего, дерева, чьи листья постоянно трясутся и которое иногда еще называют женским языком, поскольку крона его постоянно в движении), сказала вот что.

Ранним утром она увидела двух зверей – белку и кролика. Оуна смотрела, как белка со всего размаху бросалась на кролика. Точно в тот момент, когда она должна была коснуться кролика, тот высоко, на два-три фута подпрыгивал. Белку, по крайней мере так показалось Оуне, это приводило в рас-терянность, затем она разворачивалась и кидалась на кролика с другой стороны, но снова промахивалась, так как в самую последнюю секунду кролик опять подскакивал и увора-чивался от белки.

История мне понравилась, поскольку ее рассказала Оуна, но я до конца не понял, зачем и что общего у белки и кролика с протоколами.

Они играли! – воскликнула Оуна.

Правда? – спросил я.

Оуна объяснила: Наверно, ей не полагалось видеть игры белки и кролика. Это случилось очень рано, кроме Оуны, на улицах колонии еще никого не было, волосы ее были едва

покрыты, подол платья запачкан – подозрительное зрелище, дочь дьявола, как называл ее Петерс.

Но ты же видела? – спросил я. – Тайную игру?

Да, ответила она, собственными глазами, которые во время рассказа сияли от радостного возбуждения.

* * *

Срочно созвать собрание в связи со странными изнасилованиями женщин Молочны последних лет предложили Агата Фризен и Грета Лёвен. С 2005 года некто – то ли призрак, то ли Сатана (так считали в колонии) – в наказание за грехи изнасиловал почти всех девушек и почти всех женщин. Происходило это по ночам. Пока их семьи спали, девушек и женщин при помощи баллончика с анестетиком на базе белладонны – им на нашей ферме обездвигивали животных – погружали в бессознательное состояние. Утром, проснувшись, часто в крови, с болью, они были будто пьяные и не понимали почему. Недавно восемь демонов-насильников оказались реальными мужчинами из Молочны, многие из них являлись близкими родственниками женщин: братьями, кузенами, дядьями, племянниками.

Одного я еле узнал. В детстве мы вместе играли. Он знал названия всех планет, хотя, может, и выдумал. Я звал его Фрог (на нашем языке – «вопрос»). Помню, уезжая из колонии с родителями, я хотел с ним попрощаться, но мать ска-

зала мне, что он мучается коренными зубами (ему было двенадцать), а кроме того, подхватил какую-то инфекцию и его заперли в спальне. Сейчас я не уверен, так ли было на самом деле. В любом случае перед отъездом с нами не попрощался ни Фрог, ни кто-либо другой из колонии.

Остальные насильники оказались намного моложе меня и, когда я уезжал с родителями, еще не родились или были совсем маленькими, я их не помню.

В Молочне, как и во всех наших колониях, самоуправление. Сначала Петерс решил на несколько десятилетий запретить мужчин в сарае (вроде того, где живу я), но скоро стало ясно, что их жизнь в опасности. На одного младшая сестра Оуны, Саломея, набросилась с косой, другого группа пьяных и озверевших мужчин, родичей изнасилованных женщин, подвесила на ветку дерева за руки. Он там и умер. Очевидно, пьяные и озверевшие мужчины, уйдя на торговое поле, располагавшееся за деревом, о нем забыли. После этого Петерс и старейшины решили обратиться в полицию, дать арестовать мужчин – вроде как для их же безопасности – и увезти в город.

Оставшиеся мужчины (кроме совсем старых, хилых и меня – в целях унижения) отправились в город внести залог за арестованных насильников в надежде, что в ожидании суда те смогут вернуться в Молочну. Тогда женщины получают возможность простить обидчиков, гарантировав таким обра-

зом всем место на небесах. Петерс говорит, если женщины не простят, им придется покинуть колонию и отправиться во внешний мир, о котором они ничего не знают. И теперь у женщин, чтобы дать ответ, очень мало времени, всего два дня.

Вчера, как сообщила мне Оуна, женщины Молочны провели голосование. В списке было три пункта.

1. Не делать ничего.
2. Остаться и бороться.
3. Уйти.

Каждый пункт представлял собой соответствующий по смыслу рисунок, поскольку женщины неграмотны. (Примечание: я не собираюсь постоянно напоминать о неграмотности женщин, только когда нужно будет объяснить определенные действия.)

Рисовала шестнадцатилетняя Нейтье Фризен, дочь покойной Мины Фризен, а теперь воспитанница своей тетки Саломеи Фризен. (Отца Нейтье, Бальтазара, Петерс пару лет назад отправил на юго-запад страны за дюжиной жеребят, и он так и не вернулся.)

«Ничего не делать» изображал пустой горизонт. (Такой рисунок мог бы означать и уход, подумал я, но не сказал.)

«Остаться и бороться» символизировали два колониста, дерущиеся на ножах. (Женщины сочли рисунок слишком

жестоким, но смысл ясен.)

А для «Уйти» Нейтье нарисовала зад лошади. (Он может означать и нечто иное: женщины смотрят, как уходят другие, опять подумал я, но не сказал.)

Голоса разделились пополам между вторым и третьим пунктами – поединком и лошадиным задом. Большинство женщин Фризен хотят остаться и бороться. Женщины Лёвен скорее за уход, хотя мнение менялось в обоих лагерях.

Есть еще женщины, проголосовавшие за «ничего не делать» и предоставить все воле Божьей, но их на собрании не будет. Самая шумная из тех, кто за «ничего не делать», – Янц-со-Шрамом, здоровенная костоправша, известная также своим уникальным глазомером. Как у члена Молочны, однажды поведала она мне, у нее есть все что душе угодно; ей лишь пришлось убедить себя: «что угодно» значит «очень немного».

Как сообщила мне Оуна, Саломея Фризен, страшная бунтарка, на вчерашнем собрании заявила, что не делать ничего в действительности не вариант, но позволить женщинам за него голосовать значит по крайней мере дать им почувствовать свою значимость. Приветливая Мейал Лёвен (Мейал на плаутдиче – «девушка»), заядлая курильщица с желтыми кончиками пальцев, ведущая, по моим подозрениям, тайную жизнь, согласилась, однако заметила, что Саломею Фризен никто не уполномочивал решать, что такое действительность и что вариант, а что нет. Остальные Лёвен вроде

бы закивали, а все Фризен стремительными, нетерпеливыми жестами выразили свое раздражение. Эта мелкая стычка хорошо иллюстрирует тональность дебатов между женщинами Фризен и женщинами Лёвен. Правда, поскольку времени мало, а принять решение нужно быстро, женщины Молочны уполномочили представительниц этих двух семей обсудить варианты (исключая «не делать ничего», который большинство отвергло как «глупость»), решить, какой лучше, и продумать, как его реализовать.

Примечание переводчика: женщины говорят на плаутдиче, или нижненемецком, единственном известном им языке; на плаутдиче говорят и все жители колонии Молочна, хотя сегодня мальчиков обучают в школе начаткам английского, а мужчины еще немного знают испанский. Плаутдич – бесписьменный вымирающий средневековый язык, помесь немецкого, голландского, фризского и померанских диалектов. В мире очень мало людей, говорящих на плаутдиче, и каждый такой говорящий – меннонит. Я упоминаю об этом, поскольку должен объяснить: прежде чем занести что-либо в протокол, мне нужно быстро, в уме перевести слова женщин на английский, чтобы их записать.

И еще одно примечание, опять же не имеющее значения для женских дебатов, но необходимое для понимания того, почему я умею читать, писать и понимать по-английски: английский я выучил в Англии, куда моих родителей изгнал тогдашний епископ Молочны, Петерс-старший, отец Петер-

са, нынешнего епископа Молочны.

На четвертый год учебы в английском университете у меня случился нервный срыв (нарфа) и я оказался вовлечен в некую политическую деятельность, за что меня скоро исключили и на какое-то время посадили. Пока я сидел, умерла моя мать. Отец исчез за несколько лет до этого. У меня нет родных братьев и сестер, так как после моего рождения матери удалили матку. Словом, в Англии у меня не было никого и ничего, хотя в тюрьме по переписке мне удалось получить диплом. Очутившись в аховом положении, бездомный, полусумасшедший – или совсем сумасшедший, – я решил покончить с собой.

Выбирая способ самоубийства в публичной библиотеке, ближайшей к парку, который я сделал своим домом, я уснул. Спал я очень долго, в конце концов меня осторожно разбудила немолодая библиотекарша: мне пора идти, библиотека закрывается. Заметив мои слезы и расхристанный, отчаявшийся вид, она спросила, что случилось. Я сказал ей правду: я не хотел больше жить. Библиотекарша предложила пойти поужинать и, когда мы сидели в маленьком ресторанчике на другой стороне улицы, где располагалась библиотека, спросила, откуда я, из какой части света.

Из той, ответил я, которая создавалась, чтобы стать миром в себе, отдельно от мира. В каком-то смысле, сказал я ей, мои (помню, я процедил слово «мои» с иронией, но мне тут же стало стыдно, и я про себя попросил прощения) не

существуют, по меньшей мере все исходят из того, что их считают несуществующими.

Может быть, нужно не так уж много времени поверить, что ты действительно не существуешь, сказала библиотекарьша. Или что твое реальное существование в теле – извращение.

Я не очень ее понял и яростно зачесал голову, как собака, словившая клещей.

– А потом? – спросила она.

Университет, недолго. А потом тюрьма, ответил я.

Ах, вздохнула она, возможно, одно не исключает другого.

Я глупо улыбнулся. Моя вылазка в мир окончилась моим из него удалением, сказал я.

Как будто тебя призвали существовать, чтобы ты не существовал, рассмеялась она.

Отделили, чтобы я соответствовал, да, попытался я рассмеяться вместе с ней. Рожден, чтобы не быть.

Я представил, как мое крикливое младенческое «я» исторгают из матки матери, а затем спешно выдирают из нее и выбрасывают в окно саму матку, дабы предотвратить появление скверны – этого рождения, этого мальчика, его наготы, ее стыда, его стыда, их стыда. Трудно объяснить, откуда я, ответил я библиотекарьше.

Я странника встретил из древней страны, сказала она, очевидно, цитируя поэта, которого знала и любила².

² Шелли П. Б. Озимандия. (Здесь и далее прим. пер.)

Я опять не очень ее понял, но кивнул и объяснил: вообще-то я меннонит, из колонии Молочна, но, когда мне было двенадцать лет, моих родителей изгнали и мы уехали в Англию. С нами никто не попрощался, сказал я библиотекарьше (мне до сих пор стыдно за эти жалкие слова). Долгие годы я считал, что нам пришлось уехать из Молочны, так как меня застигли за воровством груш на ферме в соседней колонии Хортица. В Англии, выучившись читать и писать, я выложил камнями свое имя на большом зеленом поле, чтобы Бог быстро меня нашел и наконец наказал. Я хотел выложить из камней ограды еще слово «раскаяние», но мать, Моника, заметила, что стена между нашим и соседским участками исчезает. Как-то раз по узкой колее, оставленной на земле колесом тачки, она пошла за мной на поле и увидела, как я предаю себя Богу, при помощи камней ограды гигантскими буквами помечая свое местонахождение. Мать молча усадила меня на землю и обняла. Ограду нужно восстановить, через какое-то время сказала она. Я спросил, можно ли вернуть камни после того, как Бог найдет меня и накажет. Я был измучен неминуемым наказанием и хотел, чтобы оно уже состоялось. Мать спросила, за что, по моему мнению, Бог хочет меня наказать, и я рассказал ей и про груши, и про мысли о девочках, и о своих рисунках, и о желании побеждать в спортивных играх, быть сильным. Как я лезу вперед, какой я тщеславный, похотливый. Мать рассмеялась, опять прижала меня к себе и извинилась за смех. Я нормальный мальчик,

сказала она, дитя Бога – любящего Бога, что бы там ни говорили, – но соседи негодуют из-за исчезающей ограды, и камни надо вернуть.

Все это я рассказал библиотекарше.

Она понимает мою мать, ответила та, но очутившись там и будучи моей матерью, сказала бы нечто иное. Я как раз не нормальный, сказала бы она. Я невинен, да, но, хоть и не сделал ничего плохого, у меня необычайно глубока потребность получить прощение. Большинство из нас, сказала библиотекарша, прощает себе вину за перемены, идеализируя прошлое. И тогда мы живем свободно, счастливо, или если не совсем счастливо, то хоть не испытывая страшных мук. Она рассмеялась. И оказавшись со мной на том поле, сказала еще библиотекарша, она помогла бы мне испытать чувство, что я прощен.

Но прощен за что, конкретно? – спросил я. – За то, что воровал груши, рисовал голых девочек?

Нет-нет, ответила библиотекарша, за то, что ты жив, что ты в мире. За наглость и тщету того, что ты жив, смехотворность твоей жизни, ее миазмы, ее неразумность. Вот что ты чувствуешь, добавила она, вот твоя внутренняя логика. Ты мне только что это объяснил.

И, по ее мнению, добавила она, сомнения, неуверенность, постоянные вопросы неразрывно связаны с верой. Ты живешь полной жизнью, сказала она, нашел способ пребывания в мире, разве нет?

Я улыбнулся. Почесался. В мире, сказал я.

Что ты помнишь о Молочне?

Оуну, сказал я. Оуну Фризен.

И я начал рассказывать ей об Оуне Фризен, моей ровеснице, той самой женщине, которая теперь просит меня вести протокол собрания.

После долгой беседы, по ходу которой я в основном говорил об Оуне, хотя и не только: как мы играли; как по едва заметному удлинению светлого времени суток замеры времени года; как изображали мятежных учеников, сперва превратно понятых нашим вождем, Иисусом, однако посмертно провозглашенных героями; как на лошадях неслись друг на друга, держа в руках штакетины из забора (во весь опор, как те белка и кролик из рассказа Оуны); как целовались, дрались, – библиотекарьша высказала мысль, что я вернусь в Молочну, туда, где жизнь имела для меня смысл, пусть даже ненадолго, пусть даже в воображаемой игре в умирающем солнечном свете, и попрошу епископа (Петерса, младшего, ровесника моей матери) принять меня обратно. (Я не сказал библиотекарьше, что это означало бы также попросить Петерса простить мне грехи родителей, грехи, связанные с хранением интеллектуальной продукции и распространением оной, хотя то были художественные альбомы, репродукции картин, найденные моим отцом в мусоре за городской школой, и вина его состояла только в том, что он показывал их другим членам общины, поскольку не мог прочесть

текст.) Я предложу учить мальчиков Молочны английскому, еще сказала библиотекаря, языку, необходимому им для ведения дел за пределами колонии. И мы с Оуной Фризен опять подружмся.

Терять мне было нечего. Я прислушался к ее совету. Библиотекаря попросила мужа дать мне работу в его фирме при аэропорте, выдающей напрокат автомобили с водителями, и хотя у меня не имелось действительных водительских прав, я проработал там три месяца, чтобы заработать денег на билет до Молочны, а спал на чердаке молодежного хостела. По ночам, когда мне казалось, будто голова сейчас лопнет, я заставлял себя лежать совсем неподвижно. Каждую ночь, замирая в кровати, закрывал глаза и улавливал еле слышные звуки пианино, тяжелые аккорды без сопровождения голоса. Как-то утром я спросил у человека, прибиравшегося в хостеле и тоже жившего здесь, слышит ли он по ночам тихие звуки пианино, тяжелые аккорды. Нет, ответил он, ни разу не слышал. Скоро я понял: мелодия, слышанная мною по ночам, когда разрывалась голова, была гимном «Велика верность Твоя», и слушал я собственные похороны.

Петерс, в высоких черных сапогах своего отца, по крайней мере похожих на те, принял к рассмотрению мою просьбу о допущении обратно в колонию и в конце концов заявил, что предоставит мне членство, если я в присутствии старейшин отрекусь от своих родителей (хотя один умер, а другой пропал), крещусь и буду обучать мальчиков английскому и

арифметике за кров (в вышеупомянутом сарае) и трехразовое питание.

Я готов креститься, ответил я Петерсу, и обучать мальчиков, но от родителей не отрекусь. Петерс остался недоволен, однако, страстно желая, чтобы мальчики научились считать, а может быть, смущенный моим присутствием, так как я очень похож на своего отца, согласился.

* * *

Весной 2008 года, когда я вернулся, о таинственных ночных беспорядках ходили только слухи, обрывки слухов. Один мой ученик, Корнелиус, написал стихотворение «Бельевая веревка», где речь шла о том, что простыни, одежда, развешенные на веревке у его матери, обладают голосом, переговариваются, сообщают новости другому белью на других веревках. Он прочитал стихотворение классу, и все мальчики смеялись. Дома расположены далеко друг от друга, электричества нет нигде, ни внутри, ни снаружи. По ночам они превращаются в маленькие склепы.

Возвращаясь в тот день в сарай, я обратил внимание на бельевые веревки Молочны, полощущиеся на ветру женские платья, мужские комбинезоны, скатерти, постельное белье, полотенца. Я внимательно слушал, но не мог разобрать, что они говорят. Может быть, думается мне сейчас, поскольку они говорили не со мной. Они говорили друг с другом.

В год моего возвращения женщины рассказали о своих снах, а вскоре, когда сложилась общая картина, догадались, что все видели один и тот же сон и что это вовсе не сон.

Сегодня собрались представители трех поколений женщин Фризен и Лёвен, все они неоднократно становились жертвами насилия. Я сделал простой подсчет. С 2005 по 2009 год более трехсот девушек и женщин Молочны были одурманены и изнасилованы в собственных постелях. Это происходило раз в три-четыре дня.

В конце концов Лайсл Нойштадтер решила несколько ночей не спать и поймала молодого человека, открывающего окно ее спальни с баллончиком белладонны в руке. Лайсл вместе со взрослой дочерью повалила его на пол и связала шпагатом. Утром поговорить с молодым человеком, Герхардом Шелленбергом, привели Петерса, и тот назвал еще семерых насильников.

Почти все женщины общины Молочна подверглись насилию со стороны кого-то из группы, но большинство (кроме девушек, слишком юных для понимания смысла происходящего, и женщин во главе с Янц-со-Шрамом, уже решивших не делать ничего) поставили крестик против своего имени, дав таким образом понять (и многие весьма эмоционально), что не собираются принимать участие в призванных вынести решение собраниях, а посвятят свое время благоденствию общины и хозяйственным хлопотам, которых после отъезда мужчин стало больше, и если забросить их хотя бы на день,

все посыплется, особенно если речь идет о дойке и кормлении животных.

У остальных самые молодые и шустрые девушки Фризен и Лёвен, Аутье и Нейтье, согласились получить устный ответ вечером, когда те вернутся домой.

И вот, чтобы выполнить то, о чем меня попросила Оуна, я жду на сеновале сарая, где мы без лишнего шума собрались сегодня утром.

6 июня

Протокол женских разговоров

Начинаем мы с омовения ног. Это требует времени. Каждая моет ноги соседке справа. Омовение предложила Агата Фризен (мать Оуны и Саломеи Фризен). Обряд станет сообщением разным символом нашего служения друг другу; так Иисус, зная, что Его час настал, на Тайной вечере омыл ноги апостолам.

У четырех из восьми женщин пластмассовые сандалии и белые носки, у двух тяжелые, потертые кожаные туфли (у одной разрезанные сбоку, чтобы не давила растущая шишка) и белые носки, еще у двух, самых юных, драные матерчатые кеды и тоже белые носки. Женщины Молочны всегда ходят в белых носках, и, кажется, по правилам платье должно доходить до носков.

Девушки в кедах, Аутье и Нейтье, в знак протеста скатали носки (элегантно), и те стали похожи на маленькие, обхватившие щиколотки пончики. Между скатанными носками и подолом платья видна голая кожа, пара дюймов, покусанная насекомыми (скорее всего, мошкой и клещами). Заметны также бледные шрамы от порезов или натертостей. Во время омовения ног шестнадцатилетним Аутье и Нейтье трудно сохранять строгость, они шепчутся, что щекотно, и,

пока их матери, тетки и бабки моют друг другу ноги, чуть не лопаются от смеха, пытаюсь торжественно сказать друг другу: «Да благословит тебя Бог».

* * *

Начинает Грета, старшая Лёвен (хотя урожденная Пеннер). Исполнившись печального достоинства, она заводит речь о своих лошадях, Рут и Черил. Грета рассказывает, что первая реакция Рут и Черил (Рут слепа на один глаз, поэтому ее всегда запрягают слева от Черил) на испуг при виде одного или нескольких ротвейлеров Дюка на дороге, ведущей к церкви, – понести.

Мы все это видели, говорит она. (После коротких повествовательных предложений глаза у Греты обычно расширяются, она поднимает руки и опускает голову, словно говоря: ведь факт, согласны?) Лошади, испугавшись глупой собаки Дюка, не собирают собрания, чтобы наметить дальнейшие шаги, говорит Грета. Они бегут. И, поступая так, уходят от собаки и возможной опасности.

Агата, старшая Фризен (хотя урожденная Лёвен), смеется (смеется она часто и очаровательно) и соглашается. Но, Грета, мы не животные, утверждает она.

Охотятся на нас, как на животных, отвечает Грета. Может быть, следует соответственно и реагировать.

Ты хочешь сказать, нам надо бежать? – спрашивает Оуна.

Или убить насильников? – спрашивает Саломея.

(Мариша, старшая дочь Греты, пока молчит, однако тихо фыркает.)

Примечание: как я уже говорил, Саломея Фризен в самом деле набросилась на насильников с косой, после чего их быстро вызволили Петерс со старейшинами и в колонию вызвали полицию. До тех пор в Молочну полицию не вызывали ни разу. Насильников увезли в город ради их же безопасности.

После этого Саломея попросила у Петерса и старейшин прощения за грех, но все равно еле сдерживает вулканический гнев. Ее взгляд безостановочно перебегает с места на место. А даже если в один прекрасный день у нее кончатся слова, как, говорят, у женщин заканчиваются «яйца», думаю, она сохранит способность общаться и давать выход, устрашающий выход каждому чувству, порожденному тем, что сочтет несправедливостью. У Саломеи нет «внутреннего взора», она не умеет «витать», ей чуждо «блаженство одиночества»³. Да она и не одинока. Ее племянница Нейтье, привыкшая к более мягким манерам покойной матери Мины, но теперь находящаяся на попечении Саломеи, держится на расстоянии. Нейтье рисует и рисует, может быть, уравновешивая теткин бурные, похожие на лаву выплески слов твердыми, безмолвными линиями на бумаге. (Мне говорили, в дополнение к своим художественным способностям Нейтье

³ Из стихотворения У. Вордсворта «Нарциссы».

еще и бесспорный чемпион Молочны по способности оценить, сколько продукта – муки, соли, сала – поместится в объем, так чтобы не осталось ни продукта, ни места.)

Агата Фризен, не пугающаяся вспышек Саломеи (она уже процитировала Екклесиаста, описав настроение Саломеи словами «нет ничего нового под солнцем» и «идет ветер к югу, а все реки текут в море» и т. д. Саломея ответила, что не надо, пожалуйста, распихивать ее высказывания по допотопным книгам Ветхого Завета, и разве не абсурд женщинам сравнивать себя с животными, ветром, морем и так далее? Разве нельзя найти человеческий прецедент, какого-нибудь человека, в ком мы увидели бы свое отражение, а оно потом отразилось бы в нас? Мейал, закурив, заметила: Да, я согласна, так лучше, но какой человек? Где он?), утверждает, что уже видела в жизни лошадей, ладно, пусть не Рут и Черил – со всем уважением к Грете и ее высокой оценке своих лошадей, – но других. Так вот те, когда на них набрасывалась собака, койот или ягуар, пытались противостоять и/или затапывали их до смерти. Выходит, животные не всегда бегут от тех, кто на них нападает.

Грета соглашается: Да, она наблюдала подобное поведение животных, – и опять начинает рассказывать про Рут и Черил. Однако Агата ее прерывает и сообщает собранию, что у нее есть свой рассказ про животных, где тоже фигурирует ротвейлер Дюка. Она рассказывает быстро, с выражением, часто вставляя замечания, не относящиеся к делу.

Я не в состоянии расслышать и записать все подробности, но попытаюсь как можно точнее пересказать историю ее интонациями.

У Дюка на участке водились еноты, которых он уже давно ненавидел всей душой, и когда самая жирная енотиха вдруг родила шестерых щенков, его терпению пришел конец. Он рвал на себе волосы. Он велел своему ротвейлеру их уничтожить, и собака послушалась. Енотиха, удивившись, попыталась спасти детенышей и уйти от собаки, но та растерзала троих щенят, и енотихе удалось спасти лишь троих. Она взяла их и ушла с участка Дюка. Дюк был просто счастлив. Он пил растворимый кофе и думал: слава Богу, конец енотам. Однако через несколько дней, выглянув на участок, увидел троих сидящих там щенят, опять вышел из себя и опять велел ротвейлеру их уничтожить. Но на сей раз енотиха ждала собаку, и когда та подбежала к щенятам, спрыгнула на нее с дерева, укусила в шею, в живот и из последних сил потащила в кусты. Дюк пришел в бешенство, но еще и опечалился. Он не хотел потерять собаку. Он пошел в кусты искать собаку, однако не нашел, хотя искал два дня. Он плакал. Грустный, Дюк вернулся домой, и там, у двери лежала лапа его собаки, а еще голова. С пустыми глазницами.

Реакция на рассказ Агаты неоднозначная. Грета поднимает руки и спрашивает: И что мы должны из этого заключить? Нам надо подставить самых слабых членов общины насильникам, чтобы заманить тех в ловушку, расчленить и фраг-

менты подбросить на порог Петерса, епископа колонии?

История доказывает лишь, что животные способны как убегать, так и бороться, говорит Агата. Поэтому не имеет никакого значения, животные мы или нет, обошлись ли с нами как с животными или нет, и даже, знаем ли мы ответ на вопрос, что делать. (Она вбирает в легкие весь наличный кислород и выпускает его вместе со следующей фразой.) В любом случае, пустая трата времени – пытаться понять, животные мы или нет, поскольку мужчины скоро вернутся из города.

Руку поднимает Мариша Лёвен. Верхние фаланги указательного пальца на левой руке у нее обрублены, он наполовину короче следующего, среднего. Мариша заявляет, что, по ее мнению, важнее вопроса о том, животные женщины или нет, другой: нужно ли мстить за причиненное зло? Или простить мужчин и тем самым пройти в небесные врата? Если мы не простим мужчин и/или не примем их извинений, нас прогонят из колонии, отлучат и мы не попадем на небеса. (Примечание: по правилам Молочны, все так, мне об этом известно.)

Мариша видит, что я на нее смотрю, и спрашивает, записываю ли я ее слова.

Я киваю, да, записываю.

Довольная Мариша спрашивает женщин о Втором пришествии. Как Господь, когда придет, найдет их, если они уйдут из Молочны?

Саломея презрительно ее обрывает и насмешливо объясняет, что, если Иисус способен воскреснуть, жить тысячи лет, а затем спуститься с неба на землю, чтобы собрать своих последователей, уж конечно, Он найдет возможность определить местоположение нескольких женщин, которые...

Теперь Саломею нетерпеливым жестом останавливает ее мать, Агата. Данный вопрос мы обсудим позже, мягко говорит она.

Мариша обводит всех яростным взглядом, возможно, в поисках единомышленницы по данному вопросу, кого-нибудь, кто разделит бы ее опасения. Все отворачиваются.

Саломея бормочет: Но если мы животные или даже имеем с животными нечто общее, вероятно, шансов пройти в небесные врата у нас все равно нет (она встает и идет к окну), если только не окажется, что животным туда можно. Хотя это не имеет никакого смысла, поскольку животные обеспечивают нас пищей и трудом, а в раю ни то ни другое не требуется. Так что, пожалуй, меннониток на небо все-таки не пустят, поскольку, подпадая под категорию животных, мы будем не нужны там, наверху, где бесконечное «ля-ля-ля», напевает она.

Женщины, кроме сестры, Оуны Фризен, не обращают на нее внимания. Оуна улыбается – слабо, подбадривая, соглашаясь, хотя ее улыбка может служить и знаком препинания к фразе Саломеи, то есть молчаливой просьбой поставить точку. (Женщины Фризен разработали весьма эффективную

систему мимики и жестов для умиротворения Саломеи.)

Слово берет Оуна. Она вспоминает сон, который видела два дня назад: в пыли за домом она нашла леденец, подобрала его и принесла на кухню, чтобы помыть и съесть. Но не успела она его помыть, как рядом с ней выросла огромная, под двести фунтов свинья. «Уберите от меня свинью!» – закричала Оуна. Но та прижала ее к стене.

Просто смешно, говорит Мариша. У нас в Молочне нет леденцов.

Агата, наклонившись, дотрагивается до руки Оуны. Давай ты расскажешь нам свои сны потом, говорит она. После собрания.

Заговаривают сразу несколько женщин: они не в силах простить мужчин.

Конечно, говорит Мариша – кратко, опять уверенно. И все-таки после смерти мы хотим пройти в небесные врата.

Тут никто не спорит.

Тогда нельзя ставить себя в невыгодную позицию, продолжает Мариша, где мы будем вынуждены выбирать между отпущением грехов и вечной жизнью.

И что это за позиция? – спрашивает Оуна Фризен.

Так будет, если мы останемся бороться, отвечает Мариша. Мужчинам мы проиграем, зато возьмем на себя грех мятежа и несоблюдения нашего обета миролюбия и в конце концов окажемся в еще более подчиненном и уязвимом положении. Вдобавок, если мы хотим, чтобы Господь нас простил и при-

нял в Свое Царство, нам все равно придется простить мужчин.

Но разве прощение по принуждению настоящее? – спрашивает Оуна Фризен. – Если на словах делать вид, будто прощаешь, а в сердце не прощаешь, разве такая ложь не еще больший грех, чем просто не простить? Разве не существует прощения только от Бога, например, за насилие над детьми, прегрешение, которое родители просто не могут простить, и тогда Бог в Своей мудрости берет прощение на Себя?

Ты хочешь сказать, Бог позволит родителям такого ребенка оставить немного ненависти в сердце? – спрашивает Саломея. – Просто чтобы выжить?

Немного ненависти? – переспрашивает Мейал. – Смешно. Ведь из крошечных семян ненависти всходят крупные...

Не смешно, перебивает ее Саломея. Немного ненависти – неотъемлемая часть жизни.

Жизни? – опять переспрашивает Мейал. – Ты хочешь сказать, войны. Я заметила, как ты прямо оживаешь, когда убиваешь.

Саломея закатывает глаза. Не войны, выживания. И давай не будем называть это ненавистью...

А-а, ты предпочитаешь называть это неотъемлемой частью, говорит Мейал.

Когда мне надо забить свинью, я быю по твари сильно, говорит Саломея, так как гуманнее убить ее одним быстрым ударом, чем мучать медленными, что твоя система...

Я говорила не о том, как забивать свиней, возражает Мейал.

Во время прений дочь Мариши Аутье эдаким маятником начинает раскачиваться на балке, лягая тюки, так что из них вылетает и падает на голову Саломее сено. Мейал поднимает голову и велит Аутье вести себя прилично. Разве она не слышит, как скрипит стропило, или она хочет, чтобы рухнула крыша? (Я подозреваю, как раз этого она и хочет.)

Мейал тянется к табаку, но не скручивает сигарку, а просто легко кладет руку на кисет, вроде как на рычаг коробки передач уже заведенной для побега машины, а сама она ждет, зная, что, когда понадобится, все на месте, поскольку там ее рука.

Саломея не замечает сено в волосах, застрявшее над ухом, как библиотечарский карандаш.

После непродолжительной паузы Грета возвращается к вопросу Оуны. Может, такой вид прощения и существует, медленно говорит она. Только вот в Библии не описаны случаи прощения исключительно Богом.

Краткое наблюдение, касающееся Оуны Фризен: она отличается от других женщин, ее волосы забраны свободно, а не стянуты тупой силой примитивного на вид инструмента. Большинство членов общины считает ее слишком мягкой, неспособной жить в реальном мире (хотя в Молочне подобное утверждение только наводит тень на плетень). Она не замужем, и ей позволяется некоторая свобода высказываний,

поскольку ее мысли и слова считаются нелепицей, хотя это не помешало неоднократно подвергнуть Оуну насилию. Она легкая добыча, так как спит в комнате одна, а не с мужем, которого у нее нет. И, кажется, нет желания, чтобы был.

Чуть раньше она заявила: Когда мы освободимся, нам придется спросить себя, кто мы. Теперь она говорит: Я права, если скажу, что мы, женщины, сейчас спрашиваем себя, в чем наш приоритет и что правильно – защитить детей или войти в Царство Небесное?

Нет, говорит Мейал Лёвен, не права. Ты перегибаешь, на самом деле мы обсуждаем другое. (Ее рука все еще лежит на кисете с табаком.)

Тогда что же мы обсуждаем на самом деле? – спрашивает Оуна.

Отвечает Агата Фризен, мать Оуны (и тетка Мейал). Мы сожжем этот мост, когда дойдем до него, говорит она (намеренно неправильно используя выражение, чтобы ускорить темп разговора). И Оуна, снисходительная к матери, как и к сестре, соглашается оставить тему.

Здесь я должен отметить, что глаза у Греты Лёвен постоянно открываются и закрываются, а по щекам часто катятся слезы. Я не плачу, говорит она, просто слезятся. Нейтье Фризен и Аутье Лёвен (последняя перестала раскачиваться на стропиле) ерзают на сиденьях и, спрятав руки под столом, без особого увлечения играют в какую-то игру, где надо хлопать в ладоши.

Я предлагаю сделать короткий перерыв, женщины соглашаются.

Агата Фризен предлагает перед тем, как разойтись, спеть гимн. Никто не против (кроме Нейтье и Аутье, которых, похоже, мысль о хоровом пении приводит в ужас). Женщины берутся за руки и поют «Трудись, ибо черная ночь грядет». Запевает Оуна Фризен, волшебным образом. Следует первый куплет гимна:

Трудись, ибо черная ночь грядет.
Трудись, когда вновь рассвет заалел.
Трудись, когда жаворонок поет.
Трудись, когда цвет весны запестрел.
Трудись, когда день с каждым днем растет.
Трудись, когда солнечный жар возжен.
Трудись, ибо черная ночь грядет
И труд человеческий завершен.

Женщины поют второй и третий куплеты, Нейтье и Аутье терпят поражение.

Грета Лёвен похлопывает Аутье по руке: «Давай». Костяшки на руке Греты выступают бугорками, как пустынные холмики на потрескавшейся поверхности земли. Вставные зубы слишком велики для ее рта и болят. Она вынимает их и кладет на фанеру. Протез ей дал любезный путешественник, прослышавший об изнасилованиях и приехавший в Молочну с аптечкой первой помощи.

Когда Грета закричала, насильник прикрыл ей рот с такой силой, что почти все старые и ломкие зубы раскрошились в пыль. Путешественника, подарившего Грете вставные зубы, выставил из Молочны Петерс, запретивший затем посторонним помощникам въезд в колонию.

Пение закончилось. Женщины расходятся.

Примечание: Саломея Фризен уходит чуть раньше, разозлившись на Оуну, которая спросила, так ли она поняла: женщины обсуждают, что правильно – защитить детей или войти в Царство Небесное, и нельзя ли совместить и то и другое. У меня не было времени записать подробности ее ухода.

Агата тихо смеется и говорит женщинам, что ее дочь вернется, не волнуйтесь, пусть выпустит пар, пусть, пусть зайдет к детям, Мип и Аарону. Это ее успокоит.

Когда речь заходит о детях, терпение и выдержка Саломеи безграничны, но в общине она имеет репутацию борца, подстрекателя. Не умеет спокойно реагировать на авторитет и часто по ничтожнейшим поводам принимается воевать с другими членами общины. Например, однажды спрятала колокольчик столовой, заявив, не помнит, мол, куда, и все потому, что ей надоел звук – по три «чертовых» раза в день, а особенно надменность, с какой Сара Н. все время звонила в этот колокольчик, чаще, чем нужно. (Перестаньте мне указывать, когда я должна есть! – кричала Саломея.) В другой

раз она во время ливня перевернула бочку Петерса для дождевой воды с криком, тот, дескать, слишком чист и мыться ему не надо, разве нет? Разве нет?!

Мне странно, что ее до сих пор не отлучили. Может быть, мелкие протесты Саломеи – удобный для Петерса выход, своего рода зрелище, удовлетворяющее потребность членов общины в самоутверждении и позволяющее ему в более важных вопросах действовать безнаказанно?

Еще одно примечание: когда Оуна спускалась с сеновала, я успел сказать, что мне нравится ее сон про свинью. Она рассмеялась. И тогда я набрался смелости сообщить ей некие сведения.

Свиньи физически не способны смотреть вверх, ты знала? – спросил я у нее (Оуна, продолжая смеяться, как раз спускалась по приставной лестнице; она последняя уходила с сеновала).

Стоя на перекладине, она посмотрела на меня вверх и спросила: Вот так?

Тут уже рассмеялся я, а Оуна, довольная, ушла.

Она единственная, кто способен смотреть вверх, в небо, подумал я. Поэтому свинья из сна и прижала ее к стене. Но потом я подумал: возможно ли? Как я мог верно истолковать сон Оуны, если она даже на подсознательном уровне не в курсе физических ограничений свиней?

В камере (английской тюрьмы Уондсворт) мы с сокамерниками играли. Моя любимая игра называлась «Выбор».

Зная, что предстоит умереть, сколько ты хотел бы прожить с этим знанием: год, день, минуту или вообще нисколько? Ответ: ни одно из перечисленных.

В тюрьме я как-то совершил ошибку и рассказал сокамерникам, какое счастье и утешение дает мне кряканье уток (а также вид их круглого, плоского клюва). Есть преступления, и есть преступления. С тех пор я научился почти все мысли держать при себе.

* * *

Мы опять собрались. И я смущен.

Во время перерыва на улице, у колонки, я встретил юную Аутье. Сначала мы молчали. Она с силой качала воду, а я смотрел в землю.

Когда она наполнила ведро, я прокашлялся и заметил ей, что во время войны, Второй мировой, в Италии, например, особенно в Турине, но и во многих других городах, мирное население пряталось в бомбоубежищах. А нередко, добавил я, мирные люди погибали, принимая участие в движении Сопротивления.

Аутье медленно попятилась, улыбаясь, кивая.

Да, сказал я, тоже улыбаясь и кивая. И в бомбоубежищах добровольцы, чтобы оживить генераторы, дававшие электричество, катались на велосипеде. Когда она раскачивалась на стропиле, я вспомнил об этом, о добровольцах, произво-

дивших энергию, катаясь на велосипеде. Если бы мы оказались в бомбоубежище, сказал я Аутье, ты была бы прекрасным добровольцем.

Аутье логично спросила меня, куда бы она поехала на велосипеде, если бы мы находились в замкнутом пространстве.

Ах да, сказал я. Ну тогда стационарный велосипед.

Аутье улыбнулась и на пару секунд вроде задумалась. А затем напомнила мне, что ей надо отнести воду стригункам. Но сначала продемонстрировала свое умение выписывать ведром воды полный круг, не расплескав ни капли. Я неловко улыбнулся. Она побежала к лошадям.

Я глупо помахал Аутье в спину, облаку пыли, оставленному ей в кильватере. Я стоял на земле, полы рубашки хлопали, как у какой-то невозможной бесполетной птицы. Зачем я рассказал о Сопротивлении, о гибели мирных людей, пытавшихся себя защитить? Вроде как предположил, что ее могут казнить, дошло до меня.

Мне захотелось догнать Аутье и извиниться, что я ее напугал, но это напугало бы ее еще больше. А может, мои слова смешны ей так же, как и мне самому? Не очень утешает.

Вернулась Саломея, теперь ее глаза напоминают астероиды. Астероиды, разрушающие планеты. (Вероятно, детей она не видела. Я боюсь спросить ее прямо.)

Поскольку мы завершили первую часть собрания гимном, говорю я женщинам, уместно ли будет, если я начну вторую, сообщив некие сведения, могущие послужить прообразом и

стимулом?

Женщины соглашаются, хотя, пока я говорю, Мариша, хмурясь, подходит к окну и смотрит в него.

Я благодарю женщин и начинаю с напоминания о том, что мы, меннониты, пришли сюда с Черного моря. Наши единоверцы веками населяли его берега возле Одессы и, пока нас не начали истреблять, жили мирно и счастливо ⁴. Так вот, глубинные воды Черного моря не смешиваются с верхними слоями, куда из атмосферы поступает кислород, в результате чего на глубине вода аноксигенна, то есть в ней нет жизни. В бескислородных условиях прекрасно сохраняются окаменелости, на них видны контуры мягких частей тел. Но откуда они взялись? Там нет сильных отливов, приливов, поэтому поверхность Черного моря всегда спокойная и ясная. И все же под водой течет река, таинственная река, несущая, по предположению ученых, жизнь в непригодные для обитания придонные сферы. Но возможностей доказать это у науки нет.

Реакция женщин на стимулирующий мысль рассказ опять неоднозначная, большинство молчат. Оуна Фризен, известная своей любовью к разного рода сведениям, благодарит меня. В конце каждого предложения она делает резкий вдох,

⁴ В 1789 г. Екатерина II для защиты меннонитов от притеснений в немецких государствах выделила им для заселения пустующие земли Новороссии. До 1874 г. исповедовавшие пацифизм меннониты были освобождены от воинской повинности. Однако после того как они были признаны подлежащими воинской повинности, немалая их часть покинула Россию.

будто пытаюсь втянуть слова обратно, будто сказанное пугает ее.

Мариша Лёвен, стоявшая к нам спиной, отворачивается от окна.

Ты хочешь сказать, спрашивает она меня, что женщины должны остаться в Молочне, не уходить? Что верхние слои Черного моря служат прообразом мужчин общины, а нижние – женщин, которые каким-то загадочным образом живы, хотя задавлены суровым, безжизненным мужским гнетом?

Мне очень стыдно за возникшее недоразумение, говорю я, но я только хотел как-то выразить, что жизнь, сохранение жизни возможны даже в условиях, представляющихся безнадежными. Я лишь хотел вдохновить мысль, говорю я.

Мариша напоминает, что женщины просили меня всего-навсего вести протокол собрания и только из-за умения переводить и писать я не должен чувствовать себя обязанным терапевтически что-то предлагать для вдохновения мысли.

Твоя реакция выходит за рамки, быстро говорит Марише Саломея Фризен.

А тебе никто не давал какое-то особое право решать, что выходит за рамки, а что нет, – еще раз напоминает Саломея Мейал Лёвен.

Может, и дали, говорит Саломея.

Кто? – спрашивает Мейал. – Петерс? Бог?

Поверхность Молочны похожа на поверхность Черного

моря, она всегда спокойная и ясная, говорит Саломея. Разве не понятно?...

И что? – обрывает ее Мейал.

Оуна, желая лучше понять положение дел в полных тайн глубинах Черного моря, спрашивает: А что такое мягкие ткани? Конкретно?

Кожа, мышцы, сухожилия, отвечает Агата. Думаю, все, что защищает твердые такни – кости, вообще все неподвижное.

Значит, мягкие ткани защищают твердые, из которых сделаны кости, говорит Мариша. Мягкие ткани, как сказать... более выносливые, но в итоге разлагаются быстрее. Если только не сохранятся в полных тайн глубинах Черного моря, добавляет она, отделив паузой слова «в полных тайн глубинах Черного моря» и тем самым придав им театральности.

Я понимаю, насмешка в мой огород. Улыбаюсь. Впиваюсь ногтями в волосы на макушке. Говорю, что мягкими тканями часто называют то, что ими не является.

Наверно, говорит Агата, но...

И все-таки они крепче, перебивает Мариша, поскольку обладают восстановительными свойствами. Пока все не кончится.

Может быть, говорит Агата, хотя...

Ты имеешь в виду смерть? – спрашивает Оуна. – Когда говоришь «кончится»?

Мариша делает жест рукой: Да что же еще, черт возьми,

может быть концом, если не смерть?

Но, Мариша, говорит Грета, физическая смерть еще не конец жизни.

Аутье и Нейтье вообще не обращают внимания на женщин, они увлечены собственным разговором. Нейтье кивает и с улыбкой смотрит в мою сторону. Я коротко думаю, не передала ли Аутье Нейтье наш разговор у колонки. И опять – предсказуемо – веду себя глупо и неосторожно по отношению к девушкам, которые тут же отводят взгляд.

Значит, если Молочна – тело, говорит Оуна, мы, женщины, ее мягкие ткани, и...

Или, перебивает Саломея, Молочна – Черное море, а мы его полные тайн глубины. Вот что я пыталась вам сказать.

Мариша смеется и язвительно спрашивает у Саломеи, что же, по ее божественно-мудрому мнению, такого полного тайн в женщинах Молочны? Больше тайн в пленке, образующейся на моем утреннем молоке, говорит она.

Оуна признает, что пленка на молоке представляет собой загадку, и кивает Марише, видимо, в попытке подать знак дружбы или солидарности. Внимания. Оуна спрашивает у меня, не хочу ли я поделиться с женщинами еще какими-либо сведениями, вдохновляющими мысль.

Я яростно чешу макушку – обезьяний рефлекс, выработанный в тюрьме. Я понял, это дает мне некоторое время обдумать ответ на вопрос. Вопрос такой: Эпп, ублюдок, ты действительно хочешь, чтобы твои мозги размазались по земле?

На мое почесывание Оуна смеется.

Да, говорю я. Человеческие существа за жизнь сбрасывают примерно сорок фунтов кожи, полностью сменяя кожный покров каждый месяц.

Вмешивается Нейтэ. Но не шрамы, говорит она. Разве их можно заменить новой кожей?

Нет, говорит Аутэ, поэтому они и называются шрамами, дурында. Девушки смеются и тычут друг в друга, однако не дотрагиваясь.

Ежемесячная смена кожного покрова совпадает со сменой слизистой матки, тоже каждый месяц, размышляет Оуна.

Откуда ты знаешь? – спрашивает Мариша.

Оуна смотрит на меня. Давным-давно Оуне об этом рассказала моя мать – в тайной школе, что означало вовсе не место, а беседы, называемые ею тайной школой. Она вела их с девочками во время дойки, когда Оуна и я были детьми, до того, как мы с родителями уехали из Молочны.

Мариша таращится на меня и спрашивает, уж не я ли рассказал Оуне про слизистую.

Нет, говорит Оуна, не Август. Его мать, Моника.

Мариша молчит.

Сведения, возможно, и полезны, но, наверно, нам все-таки лучше двигаться дальше, замечает Саломея.

Оуна, словно не слыша Саломею, говорит, что, если мои сведения верны, то кожа, бывшая у женщин во время изнасилований, уже сменилась. Она улыбается.

Оуна, похоже, собирается что-то добавить, но Агата Фризен, заметив нетерпение и надвигающийся гнев Саломеи, резко спрашивает, не можем ли мы отложить дебаты по вопросам животные/не животные, прощение/не прощение, вдохновляющее мысль/не вдохновляющее, мягкие ткани/твердые ткани, новая кожа/старая кожа – и сосредоточиться на насущном вопросе, а именно: оставаться и бороться или уходить.

Женщины согласны, надо двигаться дальше. Саломея между тем отшвырнула свое ведро для дойки, оно шатается и только раздражает. Оуна встает, дает Саломее свое, а на ее ведро садится сама.

Усевшись, Оуна Фризен продолжает размышлять о сказанном. После слов Мариши о терапевтическом вдохновлении мысли ей еще кое-что пришло в голову. Она просит разрешения поговорить о прощении.

Женщины не возражают. (Хотя Нейтье Фризен закатила глаза, откинула голову и открыла рот. Смешно.)

Оуна говорит: Если старейшины и епископ Молочны решили, что после изнасилований нам не нужна терапия, поскольку мы валялись без сознания, то что же мы должны или даже можем простить? Что-то, чего не было? Что-то, чего мы не в состоянии понять? И что это значит в широком смысле? Если мы не знаем «мира», он же нас не испортит? Если мы не знаем, что сидим в тюрьме, значит, мы свободны?

Девушки Нейтье Фризен и Аутье Лёвен, используя язык

жестов, соревнуются, пытаясь превзойти друг друга в выражении скуки и недовольства. Аутье, к примеру, изображает, как, вставив в рот ружье, простреливает себе голову и снимает на ведре. Нейтье жалобно спрашивает: Так мы остаемся или уходим? Голова ее лежит на руке, и голос приглушен. Ладонь раскрыта кверху, как будто Нейтье ждет, чтобы ей дали ответ или капсулу с цианистым калием. Она сняла платок, и мне видна длинная, тонкая, очень белая линия по центру головы. Голая кожа, женщины называют ее пробором.

Грета Лёвен, тяжело вздохнув, говорит, что, хотя мы, возможно, и не животные, с нами обошлись хуже, чем с животными, да и вообще животные Молочны в лучшем положении, чем ее женщины, они в большей безопасности и за ними лучше уход.

Из-за нехватки времени мы решили отложить вопрос о том, животные женщины или нет, напоминает Грете Агата Фризен.

Грета отмахивается от Агаты и, закрыв глаза, постукивает вставной челюстью по фанере.

Вступает Мариша: Я считаю, единственное решение – бежать.

Ух, что тут поднялось!

Все говорят одновременно. Все еще говорят, говорят, все сразу. Все еще говорят.

На меня смотрит Оуна. Я смотрю в записи. От волнения, из-за взгляда Оуны покашливаю. Женщины решают, что я

так выражаю раздражение, призываю к порядку, и умолкают.

Мариша смотрит прямо на меня.

Я глажу горло, как будто оно чешется, как будто это начало болезни, может, стрептококк, как у юного

Аарона. Я не хотел никого призывать к порядку. Как внезапный паводок или сколотое копыто (слова Саломеи, произнесенные ею еле слышно, их трудно перевести), я мешаю Марише и, может быть, Саломее, раздраженной по другим причинам.

Саломея задиристо спрашивает: Мы так хотим научить дочерей защищать себя – бежать?

Мейал Лёвен вставляет: Не бежать, а уйти. Мы говорим об уходе.

Саломея Фризен делает вид, будто не слышит Мейал: Бежать! Чем бежать, я скорее останусь, застрелю всех мужчин в сердце и сброшу их в колодец, а если надо, приму на себя гнев Божий!

Саломея, мягко говорит Оуна, пожалуйста, успокойся. Лёвен говорят про уход, не про бегство. Слово «бегство» неточно. Перестань.

Мариша негодуяще мотает головой и язвительно извиняется за использование неточного слова, грех настолько страшный, что Саломея с ее замашками олимпийской богини и всемогущим разумом из человеколюбия сама должна поправить.

Саломея энергично возражает и в свою очередь обвиня-

ет Маришу в неаккуратном обращении со словами. «Уход» и «бегство» – совершенно разные слова, – говорит она, – с разными значениями и особыми смыслами.

У Аутье и Нейтье пробуждается некоторый интерес к происходящему, они сдавленно хихикают. У Греты и Агаты на лице строгое, но покорное выражение, свидетельствующее о многолетнем знакомстве с подобными вспышками дочерей. Агата сцепила руки и вращает большими пальцами. Грета похлопывает себя по голове.

Оуна Фризен печально смотрит в северное окно, на Рембрандтово рапсовое поле, на холмы, в сторону границы, возможно, на собственные видения.

Мейал Лёвен потихоньку скручивает сигарку. (Из того, что осталось от предыдущей, которую она элегантно потушила, сдавив кончик указательным и большим пальцами.)

Ну, Август? – говорит Агата, сидящая рядом со мной. Она приобняла меня за плечо! – Что ты обо всем этом думаешь? У тебя тоже есть мнение?

Мне приходит в голову история о корейском поэте Ко Ыне. И я рассказываю женщинам, как он четыре раза пытался покончить с собой, один раз влив себе в ухо яд. Он повредил барабанную перепонку, однако выжил. В другой раз барабанную перепонку ему повредили, когда посадили по политической статье и пытали. Во время Корейской войны его заставляли переносить на спине трупы. Потом он десять лет был монахом.

Женщины перестали спорить и слушают мой рассказ о поэте. Я замолкаю.

И что? – спрашивает Агата.

Ну что. Потом Ко Ын начал пить, и, когда в очередной раз решил совершить самоубийство, на сей раз при помощи большого камня и веревки, в море между Корейским полуостровом и островом Чеджудо, пьянство спасло ему жизнь.

А где это? – спрашивает Аутье, но на нее зашикала мать.

Неважно, говорит Мейал.

Почему же, важно, говорит Саломея, но пусть Август сначала закончит историю.

Агата кивает мне, чтобы я продолжал.

На корабле, говорю я, продавали алкогольные напитки. Ко Ын подумал: почему бы не выпить перед смертью? Он выпил, потом еще, еще... Напился и уснул. А проснулся уже на пирсе. Он упустил возможность совершить самоубийство, а его ждали, поскольку стало известно о приезде на остров знаменитого монаха и поэта Ко Ына. Все надеялись, что он тут останется. Он и остался. И несколько лет был очень счастлив.

После некоторого молчания Мейал спрашивает меня, закончил ли я, и я отвечаю: Да.

Женщины молчат, только ерзают на ведрах, покашливают. Агата спросила меня, есть ли у меня мнение по вопросу, оставаться или уходить, – бормочу я. Я хотел лишь сформулировать свое понимание смысла этой истории: можно уйти от кого-то или чего-то в одном состоянии духа и прийти ку-

да-то в другом, совершенно неожиданном.

Это я уже поняла, говорит Мейал. Да и все мы, разве нет?

На уровне инстинктов мы понимаем множество вещей, тихо говорит Оуна, но формулировать их в виде повествования приятно и весело.

Саломея Фризен говорит, что у нее нет времени на приятности и веселье, и язвительно спрашивает, может ли попросить прощения, поскольку сейчас время обеда и ее очередь нести еду старейшинам, а еще нужно дать антибиотики младшей дочери.

Младшую трехлетнюю дочь Саломеи, Мип, мужчины в разных обстоятельствах насиловали два, а может, и три раза, но Петерс не разрешил ее лечить, потому что врач разболтает про события в общине, всем станет известно об изнасилованиях, и история непомерно раздуется. Саломея прошла двенадцать миль до ближайшей колонии, чтобы в мобильной клинике, по ее сведениям временно находившейся там на ремонте, раздобыть антибиотики. (И для себя спирта, как утверждала Мариша, которая иногда, когда Саломея выходит из себя, поднося ко рту руку, где якобы бутылка, показывает, что Саломея тайком пьет.)

Я размешиваю ей антибиотики в протертой свекле, говорит Саломея, иначе не примет.

Женщины кивают: Иди, иди.

Если Мейал принесет с летней кухни суп, то сама она может захватить испеченный утром полбяной хлеб, уже уходя,

говорит Саломея. У нас будет обед, и мы продолжим собрание за едой. Потом растворимый кофе.

Мейал лениво пожимает плечами – она терпеть не может, когда Саломея указывает ей, что делать, – но поднимается с места.

Агата тем временем сидит совершенно неподвижно и шепелит губами, читая молитву или стих, а возможно, какой-нибудь псалом. Мип – ее внучка, названная в честь нее. (Мип – прозвище.) Агата – сильная женщина, но всякий раз, слыша подробности изнасилования крошечной девочки, предательски цепенеет.

(Обнаружив, что Мип насиловали не раз, а два или три, Саломея отправилась к сараю, где держали мужчин, и, как я уже говорил, попыталась зарезать их косой. Именно данный случай убедил Петерса вызвать полицию, арестовать мужчин и отвезти их в город, где они будут в безопасности. Она просила прощения за вспышку, утверждает Саломея, и мужчины ее простили, однако никто, включая Петерса, ничего такого не подтверждает. Возможно, эти события и не имеют отношения к собраниям, но мне кажется, они довольно важны и их надо вынести в сноску, поскольку, если бы насильников не забрали в город, а остальные мужчины не отправились вслед за ними внести залог, чтобы те могли вернуться в колонию, где их могли бы простить жертвы, а они, в свою очередь, получить прощение от Бога, никаких женских собраний не было бы.)

Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив, говорит Агата.

Она повторяет это еще раз, и Грета, взяв Агату за руку, молится вместе с ней.

Мейал Лёвен спустилась на улицу, видимо, покурить, хоть и заявила, что пошла за супом на летнюю кухню. Она велела племяннице Аутье остаться, и та скорчила гримасу, словно говоря: не больно-то и надо. А еще гримасу остальным, будто извиняясь за свою странную тетку – курильщицу, ведущую тайную жизнь.

За Мип и другими малышами колонии присматривают несколько молодых женщин в доме Нетти Гербрандт, чей муж отправился в город с остальными мужчинами. Брат-близнец Нетти Гербрандт, Йохан, – один из восьми, кого будут судить. Сама Мип не понимает, почему у нее везде болит и что она подхватила заболевание, передающееся половым путем. Нетти Гербрандт тоже изнасиловали, возможно, ее же брат, и она до срока родила крошечного мальчика – он поместился в ее туфлю. Мальчик умер через несколько часов после рождения, и Нетти измазала стены своей спальни кровью и перестала разговаривать, делая исключение только для детей общины, поэтому ее и назначили смотреть за ними, пока остальные работают.

Мариша Лёвен считает, что Нетти сменила свое имя на Мельвин. Она считает, что Нетти поступила так, поскольку больше не хочет быть женщиной. Агата и Грета отказывают-

ся в это верить.

Я прошу небольшую передышку.

Оуна Фризен опять испытующе на меня смотрит – ее заинтересовало то ли слово «передышка» (которое она, вероятно, раньше не слышала), то ли представление о задержке дыхания, благородных муках невысказанной мысли, истории жизни, нити, что связует, образует узлы, скрепляет. Передышка, дыхание, задержка дыхания. История.

Женщины изъявляют мне свое согласие.

* * *

Я вернулся на собрание. Сажу один, жду женщин.

На улице я услышал из грузовика музыку – «Мечты о Калифорнии» в исполнении «Мам и пап» на радиостанции, где теперь поют старые песни. Я стоял в ста метрах от грузовика, вставшего на главной дороге, идущей по периметру колонии. Аутье и Нейтье слушали около машины. Кроме нежных, мелодичных голосов «Мам и пап», поющих о надежности и тепле Лос-Анджелеса, мечте о нем, звуков было мало. Девушки меня не видели, я уверен. Они застыли у двери водителя, пригнув шеи и опустив головы, как следователи, пытающиеся поймать подсказку, или участники торжественной траурной церемонии возле могилы.

Прежде чем заиграла песня, водитель грузовика по прикрепленному к кабине громкоговорителю сделал объявление.

ние. Его уполномочили провести перепись населения, и он просил всех жителей колонии выйти на улицу, чтобы их сосчитать. Водитель повторил объявление несколько раз, но ведь в колонии остались почти одни женщины, а они не понимали его языка, а если бы и понимали, то не оставили бы свои дома, амбары, летние кухни, загоны для жеребят, курятники, прачечные... чтобы их пересчитал водитель грузовика, настроивший радио на волну с поп-музыкой. Кроме, конечно, Аутье и Нейтье, потянувшихся к машине, как заблудившиеся моряки к сиренам.

И вот я жду женщин, а в голове у меня неотвязно звучит песня «Мечты о Калифорнии». Я представляю, как учу женщин тексту, подстраиваю их пение под «Мам и пап», повторяя слова: призыв – ответ. Мне кажется, им понравилось бы. «Пожухли листья...» Я обвожу взглядом пустоту, слышу женские голоса.

Собрания проходят на сеновале сарая, принадлежащего Эрнесту Тиссену, больному старику, из тех, кто не поехал в город. Эрнест все забывает, в том числе и то, что женщины для собраний выбрали его сеновал. Он не помнит, сколько у него детей, живы ли братья и сестры, но одно помнит твердо: Петерс украл у него часы. Перед смертью отец Эрнеста оставил ему фамильную ценность, зная, что из всех его сыновей и дочерей Эрнеста наиболее завораживает и увлекает природа времени. Петерс уговорил Эрнеста отдать часы, поскольку время в Молочне вечно, земная жизнь, если человек чист

в глазах Божьих, естественным образом перетекает в небесную и поэтому время, а равно и часы, не имеет значения. Как выяснилось через несколько месяцев, Петерс поставил часы у себя в кабинете, том помещении в доме, где он готовится к проповедям и ведет дела колонии. Эрнест, хотя и впал в маразм, не забыл об украденных часах, как будто именно эта несправедливость раздалась, заняв все место у него в голове, как будто, отбросив все остальное, его назначили ее хранителем, и всякий раз, завидев Петерса, он спрашивает у него, когда, в какое время тот вернет часы.

Женщины решили собраться у него на сеновале, а не за кухонным столом, потому что на кухне под ногами всегда и везде дети. В семьях с пятнадцатью или двадцатью пятью детьми такое в порядке вещей. (Пару месяцев назад я проделал эксперимент: прошелся по главной дороге вокруг Молочны, по кукурузным и сорговым полям – несколько миль – и вдыхал только при виде ребенка. Дыхание у меня ни разу не сбилось.)

Стол наш устроен из тюков сена и фанеры сверху, а стульями служат ведра для дойки. Аутье и Нейтье, согнув ноги в коленях, иногда по очереди сидят на подоконнике или на седлах, которые стащили из сбруйного сарая Эрнеста Тиссена и поставили на заплесневелую балку здесь, на сеновале.

Рядом с Оуной Фризен стоит пустое ведро для корма, так как она беременна и ее тошнит. Когда беременность Оуны стала очевидной, некоторые женщины колонии попытались

поскорее выдать ее замуж за Юлиуса Пеннера, придурковатого сына Ондreja Пеннера. Юлиус заслуживает лучшего, чем больная нарфой, и запятнает себя грехом, если возьмет женщину, утратившую невинность, твердила Оуна. Старейшины колонии заключили, что Оуна не подлежит искуплению, что нарфа лишила ее способности рассуждать здраво. Мне кажется, я обязан отметить: вердикт старейшин (неспособность Оуны рассуждать здраво) – сплошной парадокс, и она избежит вечного проклятия, поскольку не совершала умышленного греха. Ее нерожденный ребенок, плод незваных гостей, как образно называют насильников старейшины, будет передан на воспитание другой семье колонии, возможно, даже семье незваного гостя, и будет считаться ребенком той семьи.

Все женщины возвращаются, не хватает только Аутье и Нейтье.

Они в конце подъездной аллеи Эрнеста Тиссена болтают с братьями Кооп из соседней колонии Хортица, говорит Мариша Лёвен. (Не совсем так, я знаю, но подозреваю, Мариша понимает, какой нагоняй девочки получают от Саломеи, если та узнает, что они слушали радио водителя, проводящего перепись. Мариша оберегает девочек и вместе с тем экономит время. Саломея вся состоит из необъяснимых противоречий: дерзкая, но придерживается традиций; воинственная, непокорная, но, когда речь идет о других, ревностно соблюдает правила.)

Остальные женщины хмурятся, но соглашаются: надо начинать без них.

Саломея спрашивает Мейал, курила ли та. Мейал спрашивает Саломею, какое ей дело. Они принесли с летней кухни хлеб, суп, растворимый кофе и раздают порции женщинам и мне.

Заявив, что сегодня необходимо принять решение, остаться или уходить, Грета и Агата начинают собрание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.